

УДК 1(091)128

РЕЛИГИОЗНО-ЭВОЛЮЦИОННОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ РУССКОГО КОСМИЗМА

Кожемяченко Н.Р.

*ФГОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет», Владивосток,
e-mail: Nora.2021@mail.ru*

В статье анализируются взгляды русских космистов на взаимосвязь между Вселенной и существованием человека. Человек, его бытие рассматриваются в аспекте космического и космопланетарного измерения. Философы не мыслят себе задач космической регуляции без одновременной регуляции внутренней, психофизиологической. Ставя перед собой задачу изменения мира и человека обязательно нужно учитывать их соотношенность. Когда человек, не изменяя себя духовно, начинает покорять и преобразовывать природу, он неизбежно приходит к экологическому и собственно нравственному кризису. Выжить в дальнейшей перспективе для человечества – значит неуклонно восходить не только к новому уровню комфорта природы, но и к осознанию своего религиозно-эволюционного предназначения. Вершиной философии космизма является ноосферное мышление как перспектива преодоления дегуманизации общества.

Ключевые слова: русский космизм, эволюция, смерть, бессмертие, воскрешение, справедливость, Вселенная, ноосфера

RELIGIOUS AND EVOLUTIONARY DESTINY OF MAN IN THE CONTEXT OF THE IDEAS OF RUSSIAN COSMISM

Kozhemyachenko N.R.

DVFU, Vladivostok, e-mail: Nora.2021@mail.ru

The article analyzes the views of Russian cosmists on the relationship between the Universe and human existence. Humanity, its genesis, is considered in terms of cosmos and cosmoplanetary measurement. Philosophers cannot imagine the challenges of space regulation without the simultaneous regulation of internal, physiological. With the goal of changing the world and humans must be taken into account their correlation. When a person, without changing themselves spiritually, begins to conquer and transform nature, he inevitably comes to environmental and moral crisis. To survive in the longer term for humanity puts forward steadily rise not only to a new level of comfort of nature, but also to understanding its religious evolutionary purpose. The top of the philosophy of cosmism is noospheric thinking as the prospect of overcoming the dehumanization of society.

Keywords: Russian cosmism, evolution, death, immortality, the resurrection, justice, the universe, the noosphere

В России, с середины прошлого столетия, а особенно в XX веке, вызревает уникальное космическое направление научно-философской мысли в трудах Н.Ф. Федорова, Н.А. Умова, В.Н. Муравьева, Н.А. Сетницкого, А.К. Горского, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского и других. Один из исследователей русского космизма Ф.И. Гиренок делает любопытное замечание: «Русский космизм потому и называется русским... что космос в нем предстает в изначальном смысле слова «вселенная», то есть как дом, в который еще надо вселиться. Но не поодиночке, а всем миром» [3, с. 10].

Одной из ведущих идей в русском космизме становится идея активной эволюции, обосновывающей мысль о человеке как о существе промежуточном, находящемся в процессе становления. Человек как индивид, принадлежащий к эволюционирующей расе, носит в себе наследие всей протекающей эволюции и зачатки будущей, – замечает Умов [6, с. 117]. Он проделал «... великий путь от «мертвой» материи к одноклеточным существам, а отсюда к своему теперешнему полуживотному состоянию.

Остановится ли он на этом пути? Если остановится, то не сейчас, ибо мы видим, какими гигантскими шагами прогрессирует в настоящее время наука, техника, обстановка жизни, социальное устройство человечества. Это указывает и на перемены в нем самом», – вторит ему Циолковский [8, с. 270]. Человек не есть «венец творения» – убежден и Вернадский, ведь существует реальная направленность эволюционного процесса: усложнение, усовершенствование нервной системы, в частности головного мозга.

Люди, увлекаясь разными формами борьбы, друг с другом, забывают о своем главном враге – смертоносных силах природы. Смерть царит во всей природе, но только человек осознавая себя как *смертного*, возводит смертность в родовую характеристику, а, осознав её, он возвышается над ней, стремясь преодолеть смертность человечества, свою нынешнюю «промежуточность». Многие космисты уверены – смерть не изначальна в природе, она явилась приспособительным средством, выработанным в процессе эволюции. При существующем метафизическом состоянии бытия смерть

неизбежна и составляет необходимый акт жизни, шаг к ее окончательному возрождению и увековечиванию, но эта необходимость создается вследствие общей болезни бытия, являясь самым несправедливым ее проявлением, смерть есть «последний враг». Человек должен и может победить болезни, усовершенствовать свою среду обитания, но главное – преодолеть смерть и достичь бессмертия. Логика рассуждений космистов подсказывает вывод – эволюция человека должна продолжаться до победы над смертью.

Вершиной дерзаний русского космизма является идея Федорова о возможном воскрешении и преображении предков. Вся история падшего мира, лежащего во зле, направляется к Царству Небесному, где будут побеждены слепые, хаотические силы материи и будет уничтожен последний враг – смерть. Психофизиологическое восстановление отцов и предков невозможно без совокупного действия объединенного человечества. «Никакой *изоляция* сферы действия, никаким делением осязаемого, слышимого, зримого, воображаемого или представляемого на отдельные *участки, разряды и планы* здесь уже не обойдешься», – писал Горский в «Организации мировоздействия» [4, с. 214].

Воскрешение, бессмертие, согласно учению Федорова, должны быть завоеваны трудом всего человечества, Божественному действию он противопоставляет человеческое, действию благодати – труд, ибо «... только из великого – мирового труда создастся рай» [7, с. 407]. В этом с Федоровым не были согласны не только представители ортодоксального христианства, но и многие религиозные философы. Н. Бердяев, И. Ильин, Г. Флоровский упрекали его за недооценку иррациональных истоков бытия, за реализм и материализм идей. Но это разногласие не мешало их единению в основном – Бог смерти не создал, она появилась через грехопадение людей, человек должен жить вечно.

Идеал христианства – воскрешение человека в преображенном теле, но Федоров, как считали русские метафизики, имел в виду воскрешение человека в непреображенном теле, поскольку человек у него все еще нуждался бы в пище после воскрешения. Но преображенное тело создает не наука, а дух человека, который любит Бога больше, чем себя, а всех ближних как самого себя. Христианство учит, что гордость и себялюбие – нравственное зло – изначально. Все остальные формы зла (несовершенство тела, людская вражда, слепые силы природы) только его последствия. Искупле-

ние зла, возможно, через уничтожение его главной причины – отпадения человека от Бога. Но вместе с этим, они отмечали, что у Федорова нет обоготворения науки и техники, которые только орудия человека в победе над смертоносными силами природы, т. е. мощь техники, он соединял с христианством.

В связи с критикой идеи Федорова русским духовным ренессансом представляется значимой трактовка его проектов воскрешения и регулирования универсума белградского философа Вл. Меденицы. Он считает учение Федорова проективно-ретроспективным и поэтому полностью христианским. То, что возникает в ретроспекции, должно возникнуть и в проекции, то, что умерло, должно воскреснуть.

По Федорову, Церковь конкретно и материально становится Вселенским Собором всех живых и умерших, *ныне* воскресших поколений. В основе этого понимания лежит христианское восприятие пространства и времени, рассматривающее их в первоизданной чистоте как прапространство и правремя, когда они еще были открыты для вечности и безграничности. В результате грехопадения вечность исчезла из времени, а безграничность и общедоступность пространства превратились в плохую бесконечность, в недоступный хаос, «организованный» слепыми силами природы. В падшем мире пространство и время могут быть или субъективными формами, как у Канта или же объективной предопределенностью, существующей независимо от человека, как это понимают материалисты. Обе позиции для Федорова неприемлемы, сам он считает, что в основе пространства и времени лежит движение и деятельность, т. е. такие элементы творческой свободы, которые Бог заложил в человека при его творении. Поэтому пространство и время должны быть проектами, элементами (которые и сами подвергаются изменениям) одного плана создания и созидания согласно воле Божией, действующей сквозь человека и являющейся одновременно и человеческой волей – волей к воскрешению предков и регулированием неба. Первое означает победу человека над падшим временем, т. е. над смертью, возвращением прошлого, а второе – над падшим пространством, т. е. над слепой природой, над закрытостью, непробиваемостью, замкнутостью и раскованностью материальных элементов, значит одухотворением универсума и его превращением во вселенную. Проективистское пространство и время, по сути своей, – формовочный материал, и потому возможно преображение не только их, но и всех вещей мира. Следовательно, осу-

шествляя эти проекты, воскрешающий сын, преобразуя пространство и время, создает заново свою собственную жизнь, отвергает плохую последовательность поколений, приобретает бессмертие, причем не только для себя, а для всех, и завоевывает и одухотворяет универсум, заселяя его воскрешенными поколениями. Существо как факт, в результате выполнения долга по воскрешению предков превращается в существо как акт. Происходит единение рода в преобразованном пространстве и времени в рай, который является плодом человеческой деятельности, а не чудом, рай, как осуществление Богочеловечества или жизнь в Пресвятой Троице. При этом проект не является чем-то навязанным сверху, он, согласно воле Божией, осуществляется свободно. Справедливость заключается не в бессмертии только для живых (наука в небратском и неотеческом смысле), а в бессмертии для всех (наука в проективном смысле). Имманентное воскрешение является реализацией самой высокой заповеди, которая только может быть поставлена перед человеческой свободой. В исполнении этой заповеди и заключается глубокий смысл любви, ее вселенское, всечеловеческое измерение, поисками которого занимались практически все представители русской философии. Такой любовью, несомненно, был исполнен и сам Федоров, ибо, только благодаря такой любви, и мог возникнуть его план, одновременно божественный и человеческий, план освобождения всей материи из плена греха и смерти [5, с. 151–158].

Рождение, половой раскол, эрос, смерть сцеплены нераздельно, задачу преодоления слепого полового рождения Федоров вводит в план преобразовательско-космической практики. Темная родотворная энергия должна быть претворена, в светлую, направленную на познание мира, его регуляцию. Воскрешение предков – фундаментальный «антиприродный» акт, обратный рождению. Победа над временем, осуществление принципа сосуществования вместо последовательности, обретается в воскрешении, победа над пространством – путем достижения «полноправности», способности безграничного перемещения в пространстве. Раскрыть, умножить творчески-преобразовательные ресурсы организма можно через внутреннюю концентрацию родотворной энергии.

Господство над стихийными силами природы человек осуществляет в основном за счет технических средств и машин, развивая их, он достиг в этом колоссальных успехов. Но техника диктует свои законы человеку, теперь он зависит не только от

природы, но и от машин. Все более расширяется разрыв между мощью техники и слабостью человека, ведь люди оставляют свою собственную природу без изменений, ограниченной и умственно, и физически. Нельзя отрицать значение техники в жизни человечества, необходимо только все поставить на свои места: технизация должна быть временной, боковой ветвью развития, а весь свой ум, расчет, озарение человек должен перевести на улучшение и развитие своих органов.

Эта идея подводит к мысли о необходимости перехода от технического прогресса, оставляющего личность в ее физическом несовершенстве, к прогрессу органическому. Человек становится беспомощным в силу отхода от природы, с одной стороны, и от невнимательности к телу, к органической жизни, с другой стороны. Овладев умением создавать орудия-органы вовне, человек должен применить это умение к своему телу, что позволит ему живое сделать более совершенным и частично расширить границы жизни. Но человечество не услышало призыв космистов, не в меру увлеклось технизацией своего бытия.

Одним из вариантов активно-эволюционного осмысления задач человека в мире стала теория ноосферы, в основном, разработанная В.И. Вернадским. Основная интуиция Вернадского заключалась в его идеи вечности жизни. Это означает, что начала жизни, как оно представляется тем, кто верит в сотворение сущего или в последовательную и усложняющуюся материалистическую эволюцию, такого начала жизни на земле никогда не было. Все живое – только от живого, жизнь всегда передавалась от организма к организму, биогенезом, она вечна настолько, насколько вечен сам Космос. Жизнь одновременно Космосу.

С появлением жизни начинается качественно новый этап эволюции нашей планеты, как результат биогеохимической активности живого вещества. Однако на судьбу нашей планеты влияет не только живое вещество, но и практическая деятельность человечества. «Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в *ноосферу* [1, с. 131].

С первой мысли человека о мире и о себе начался образовываться информационный поток знаний, концепций, теорий, опоясывающий всю нашу планету. Он как бы наложен на биосферу, но не слит с нею и, как уже было сказано выше, оказывает огромное, преобразующее воздействие на биосферу. Эта новая специфическая оболочка Земли названа ноосферой, потому что ведущую роль в ней играют разумные,

научные идеи, которые материально ощущаются в человеческих постройках, произведениях искусства, орудиях, машинах и т. д. Ноосфера – новое геологическое явление на планете, в ней человек становится *крупнейшей геологической силой*. Он может и должен коренным образом перестраивать трудом и мыслью свою жизнь, увеличивая свои творческие возможности [2, с. 184].

Зачатки этой идеи можно найти у Федорова в его трактовке регуляции «как правящего разума природы», как «внесения в природу воли и разума». Регуляция природы является совершенно новой ступенью эволюции, сознательно-волевым преобразовательным действием, выполняемым для «общего дела».

Вернадский считал, что в XX веке возникли ощутимые материальные факторы перехода к ноосфере, как перспективе общечеловеческого интеллектуального и духовного развития, к осуществлению идеала сознательно-активной эволюции. Один из таких факторов – рост науки и выход ее в мощную «геологическую силу». Наука – закономерно неизбежное явление, возникшее в ходе эволюции живого вещества. Научное знание, создающее ноосферу, не может приводить к несправедливым результатам, противоречащим тому процессу, созданием которого она является [4].

Хотя нельзя не заметить здесь, что наука может прекрасно служить и несправедливым, антиноосферным силам. Опыт первой, а также второй мировой войны, как впрочем, и любой другой, убедительно показывает, что научные знания могут применяться для смертоубийственных средств. Понимал это и сам Вернадский, считая, что если эти смертоубийственные средства не ограничить силами человеческого духа, то в будущем они принесут еще больше бед и страданий. В частности, он неоднократно подчеркивал, что сила атомной энергии может быть направлена не только на справедливые, благие дела человечества, но и на его несправедливое уничтожение.

Стало очевидным, что дальнейшее поддержание биосферы возможно только при экологически обоснованном регулировании влияния техногенеза на биогенез. Человек должен в своей деятельности разумно, справедливо, с любовью подходить к биосфере. Природа такой же субъект, как и человек, только совокупно вобравшее в себя мириады живых и неживых существ, имеющих равное право на бытие. Бури, тлетворные ветры, мор, голод, землетрясения – это сво-

его рода «бичи Божие», которые мстят человеку за ложный выбор жизненных ориентиров. Эта идея прослеживается почти у всех космистов, но своей наивысшей разработкой она нашла в трудах Вернадского.

Продумывая возможные варианты будущего развития цивилизации, космисты пришли к единому выводу: при нарушении гармонии между природой, человеком и обществом, при отказе от творческой деятельности и ответственности людей за «судьбу» природы результат будет один: дегуманизация общества и аморализм, возводимый в норму поведения.

Человек ответственен за космос, за культуру и ноосферу как особые, новые ступени в самоорганизации Вселенной. Сам человек, его бытие должны рассматриваться в аспекте космического и космопланетарного измерения. От человека требуется свободное и справедливое участие в становлении ноосферы, ответственность перед Абсолютом. Человек должен восстановить справедливость по отношению к своему роду, уничтожив смерть, как основное зло и отказаться от деструктивной, «демонической» деятельности, могущей приостановить становление универсума. Таким образом, если мысли о смерти и бессмертии это начало разработки философии космистов, то ноосферное мышление – как перспектива общечеловеческого интеллектуального и духовного развития – ее вершина, завершение.

Список литературы

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление // Начало и вечность жизни / В.И. Вернадский – М.: Советская Россия, 1989. – С. 131–155.
2. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Начало и вечность жизни / В.И. Вернадский. – М.: Советская Россия, 1989. – С. 166–188.
3. Гиренок Ф.И. Русские космисты: монография / Ф.И. Гиренок. – М.: Знание, 1990. – 61с.
4. Горский А.К. Организация мировоздействия // Русский космизм: Антология философской мысли / А.К. Горский; сост. С.Г. Семенов, А.Г. Гачевой. – М.: Педагогика – Пресс, 1993. С. 214–238.
5. Меденица Владимир. Тени забытых предков // Вопросы философии. – 2001. – № 3. – С. 151–158.
6. Умов Н.А. Роль человека в познаваемом им мире // Русский космизм: Антология философской мысли / Н.А. Умов; сост. С.Г. Семенов, А.Г. Гачевой; – М.: Педагогика – Пресс, 1993. – С. 114–128.
7. Федоров Н.Ф. Философия общего дела // Сочинения / Н.Ф. Федоров; общ. ред.: А.В. Гулыга. – М.: Мысль, 1982. – С. 53–604.
8. Циолковский К.Э. Чего можно ждать от человечества? // Русский космизм: Антология философской мысли / К.Э. Циолковский; сост. С.Г. Семенов, А.Г. Гачевой. – М.: Педагогика – Пресс, 1993. – С. 270–272.